

14.03.2001

Мохасев Борис

Сейчас, когда не смолкают споры вокруг закона о частной собственности на землю, спорящим стоило бы перечитать книги большого русского прозаика, как никто знавшего трагедии и надежды крестьянства. Ничего так и не изменилось ни в жизни Федора Кузькина, героя одноименной повести, ни для персонажей его романа «Мужики и бабы».

Спектакль Таганки «Из жизни Федора Кузькина», с вращающимся на флагштоке журналом «Новый мир», стал вехой в истории не только театра, но и формирования гражданского общества России. Мы попросили Юрия ЛЮБИМОВА вспомнить счастливые дни рождения и дни мытарств «Живого» – так по замыслу авторов первоначально назывался спектакль.

– Наши отношения с Борисом Ан-

А Кузькин все еще живой

Прошло 5 лет со дня смерти Бориса Мохасева

Общая газета. – 2001. – 17 марта.

дreeевичем Мохасевым начались с того, что я пришел к своему другу Николаю Робертовичу Эрдману и услышал:

– Ю-ю-ра, вы читали «Козлотор» Искандера? – Эрдман заикался. Как я тогда шумил, от советской власти. – Очень интересная вещь, надо почитать. И вот еще повесть, тоже почтите, – и протянул мне «Из жизни Федора Кузькина». Я послушался, прочел «Кузькина» и попросил, чтобы нас познакомили.

При первой встрече Мохасев смотрел на меня очень настороженно и почему-то все время напирал на то, что МХАТ тоже хочет ставить эту вещь. Я посоветовал посмотреть что-нибудь из нашего репертуара. Это только теперь, из недавно опубликованных воспоминаний я узнал, что Бориса Андреевича долго отговари-

вали от общения с Таганкой. Обо мне тогда шла молва как о мелком эпажнике и модернисте. Кроме того, утверждали, что настоящая моя фамилия – Либерман. А разве может Либерман понять русскую душу и полюбить русскую деревню? Но Мохасев остановился на Таганке, началось варево, какое всегда начинается, когда повесть переводят на сцену. Все были молоды, задорны, Мохасев очень помогал Золотухину вжиться в роль. А потом спектакль закрыли на двацать один год.

Когда Демичев в первый раз принимал спектакль, Мохасев сидел рядом со мной и очень странно себя вел: отвлекал Демичева, дергал его, что-то комментировал. Я все думал: почему? А Борис, оказывается, специально тормошил Демичева, чтобы тот не насыщался ненавистью к спек-

таклю. Демичев делал вид, что принимает спектакль, и бурчал: «Что же это у вас за частушки неправильные...»

– Ого-го частушки, ого-го... О чём разговор, их, знаете, столько, частушки... Заменим. – Мохасев говорил раскатисто, оглаживая бороду, с каким-то необъяснимым чувством собственного достоинства. – Ну вот и славно, очень хорошо, что в целом вы спектакль поддерживаете.

Все присутствующие встрепенулись, стали поддакивать: да-да, нам необходима сатира, да-да. Но все старания Бориса Андреевича были зря. А как Мохасев надеялся! Мы шли по коридору, в конце которого повешен портрет Чарли Чаплина. И вот мы приближаемся к Чарли Чаплину, и Мохасев ликует, как дитё малое, и говорит: «Я у Милды (так звали жену

Мохасева) заначил пятьсот рублей, сейчас возьмем чего-нибудь и отмечим». А я, третий калач, сомневаясь: «У, Борис, не торопись. Это такая пройда, что ничего не стоит и ждать».

– «Да брось ты... Все же отлично вышло». Но – не вышло.

В Мохасеве до конца жизни чувствовалась особая морская офицерская выправка. Я помню уникальный случай, когда Фурцева в очередной раз не принимала спектакль и Борис Андреевич разошелся: «Как же вам не стыдно. Сядьте!» – властно рыкнул он молодому карьеристу. И к Фурцевой: «Вы посмотрите, вы не понимаете, как это страшно? Вы же карьеристов растите! Вокруг вас нет настоящих людей!» И это Фурцевой! Та обалдела. Все были в шоке минуты полторы, пока Мохасев ораторствовал со всей мощью русского языка.

Потом, помню, как мы, несмотря на разнос, хотели отметить. Стол накрыли, капусту разложили, закуску всяческую понаставили. И был чудный вечер, все были счастливы, что спектакль получился, актеры играли прекрасно, пели русские песни...

За эти два десятилетия я хотел поставить еще несколько мохасевских рассказов, но мы с Борисом Андреевичем дали друг другу слово, что, пока не проблем «Кузькина», ничего вместе делать не будем. А дружили мы долгие годы. Ездили в Прибалтику к Милде, собирали ягоды и колдовали над домашним вином. Борис Андреевич научил меня солить лосося и есть строганинку. Золотые, незабываемые, раз и навсегда ушедшие времена.

В 96-м, на панихиде по Мохасеву многие ораторы говорили, что Борис

Андреевич сам был Кузькиным. И мне вспомнилось, как на своей золотой свадьбе Петр Леонидович Капица рассказал, что когда-то волновался за меня, а потом успокоился, поняв, что я – Кузькин. Я шут, артист, это неудивительно, к этому обязывает профессия. Что же это за система такая, в которой все сродни Кузькину!

Записала Юнна ЧУПРИНИНА

